

РОССИЙСКИЙ ЦУГЦВАНГ: ОТ СЫРЬЕВОЙ ЗАВИСИМОСТИ – К «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВНОСТИ»*

В.В. Шмат

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Нефтегазовые ресурсы оказали значительное влияние на выбор того исторического пути развития, по которому прошла наша страна. Ресурсы во многом преопределили место, «отведенное» России (а прежде – Советскому Союзу) в рамках сложившегося миропорядка. Но сегодняшняя беда России не в том, что она богата своими недрами, а в том, что процесс освоения сырьевых богатств происходит в несовершенной институциональной среде, способствующей не развитию экономики и общества, а застою. Нужен тщательно обоснованный прагматичный курс экономического развития, объективно учитывающий наши сильные и слабые стороны. Нужно стремиться к синергии на основе сбалансированного роста всех секторов экономики, ее ресурсной и инновационной сфер. Можно ли решить эту фундаментальную для России задачу, двигаясь по пути построения «энергетической сверхдержавы»? Будут ли ожидаемые выгоды такой сверхдержавности достаточно весомы, чтобы перевесить вероятные издержки и риски? Или этот путь заведет нас в еще более глубокий тупик?

Ключевые слова: «нефтегазовый цугцванг», сырьевые ресурсы, нефть, экономический рост, институты, дискретная трансформация, энергетическая сверхдержава.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-72-87

«Нефтегазовый импульс» Западной Сибири

Мощнейший импульс для развития по сырьевому пути советская экономика получила в 1960–1970-е годы после открытия и с началом промышленного освоения уникальных нефтегазовых ресурсов Западной Сибири. В отношении этих ресурсов ситуация изначально складывалась весьма противоречивым образом: с одной стороны, открывались грандиозные, невиданные ранее перспективы наращива-

ния добычи углеводородного сырья; но, с другой стороны, были вполне очевидны и колоссальные трудности в решении задач по освоению новой ресурсной базы в регионе с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Причем разнообразные технические и организационные сложности усугублялись ограниченностью материальных и финансовых ресурсов, которые в требуемом объеме было невозможно мобилизовать за счет внутренних источников.

* Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02345).

Руководство СССР оказалось перед непростой дилеммой выбора лучшей стратегии освоения западносибирских богатств, по какому пойти пути: умеренному или интенсивному? И как не оказаться в плену ведомственных и «местно-патриотических» интересов? Умеренный сценарий строился на том, что в середине 1960-х годов советская нефтегазовая промышленность находилась в отличном состоянии, обеспечивая внутренние энергетические потребности, удовлетворяя нужды социалистического лагеря и давая определенные возможности для валютного экспорта в капиталистические страны. Поэтому предлагалось «овладеть» Западной Сибирью не форсируя добычу, без переброски в заболоченную тайгу главных материальных и трудовых ресурсов, выделявшихся на развитие нефтегазовой отрасли, и постепенно изменять ее районирование в долгосрочной перспективе. Сценарий интенсивного освоения исходил из того, что ресурсы хорошо освоенных районов начали приближаться к своему истощению, и без скорейшего ввода новых западносибирских месторождений уже к концу 1970-х годов СССР может столкнуться с дефицитом топлива. Проблему же нехватки инвестиций предлагалось решить за счет концентрации усилий на освоении самых крупных и продуктивных месторождений (чтобы минимизировать затраты) и увеличения экспорта нефти и газа для получения дополнительных внешних финансовых ресурсов.

Среди партийных и советских деятелей, хозяйственников, администраторов, ученых не было общего мнения – у каждого из возможных путей были приверженцы и противники, которые доказывали свою правоту и опровергали доводы оппонировавшей стороны. При этом адепты интен-

сивного сценария, отстаивая идею привлечения инвестиций за счет экспорта углеводородов, обращали внимание и на соображения политико-стратегического характера. В эпоху усиливавшегося ресурсного национализма стать крупным экспортером нефти и газа означало возможность получить не только контроль над крупными финансовыми потоками в твердой валюте, но и дополнительные рычаги экономического влияния во всем мире. Таким образом, был выдвинут целый комплекс хорошо продуманных аргументов: экономических расчетов, геологических прогнозов, соображений политической выгоды. В итоге это принесло если и не безоговорочную, то весьма решительную победу – партия и правительство взяли курс на быстрое и широкомасштабное освоение западносибирских ресурсов [10].

Следует оговориться, что даже самые смелые прогнозы и планы, которые строились в конце 1960-х – начале 1970-х годов, довольно быстро померкли перед реальными темпами освоения Западной Сибири, что привело к беспрецедентно быстрому росту общей добычи нефти и газа в стране. Столь же стремительно увеличивалась и внешняя торговля углеводородным сырьем: к 1980 году, т. е. всего за полтора десятка лет с начала разработки западносибирских месторождений, добыча нефти и экспорт жидкого топлива (включая нефтепродукты) из СССР выросли в 2,5 раза¹. События вписались неожиданной выгодой от высоких мировых цен на нефть, которые резко подскочили в результате энергетического кризиса 1973 году, Советский Союз стал наращивать экспорт углеводородов со значительным опережением всех ранее предусмотренных директив. Ресурсы За-

¹ Рассчитано автором по данным [16].

падной Сибири казались неисчерпаемыми, уровни добычи поднимались все выше и выше, возрастающие плановые задания перевыполнялись с завидным постоянством. В развитии советского нефтегазового сектора (НГС) возобладали иррациональный в своей сущности принцип: добывать, чтобы экспортировать – чтобы больше добывать, чтобы больше экспортировать. Позиция СССР, стремившегося к извлечению выгод из сложившейся рыночной конъюнктуры, значительно отличалась от той, что занимали другие ведущие экспортеры (участники ОПЕК), которые во главу угла поставили не увеличение объемов добычи и поставок на рынок, а поддержание высоких цен на нефть. Фактически именно таким образом нашей страной были сделаны первые ходы в направлении нынешнего «нефтегазового цугцванга».

Вполне очевидно, что добыча ради экспорта оправдана лишь в том случае, когда комплекс получаемых выгод перевешивает издержки на освоение ресурсов. Среди выгод особое место занимают так называемые косвенные, или мультипликативные, эффекты, возникающие за пределами сырьевого сектора экономики, но обусловленные его развитием. Справедливости ради нужно отметить, что в 1960-х–1970-х годах нефтегазовый сектор выступал в роли мощного мультипликатора, дававшего толчок для развития многих отраслей советской промышленности и прежде всего – машиностроения и металлургии. Например, только за годы девятой пятилетки (1971–1975) предприятия и организации нефтяной отрасли получили, более 20 тыс. грузовых автомобилей, около 7,5 тыс. тракторов и 1,7 тыс. экскаваторов, 1475 комплектов буровых установок, 1550 цементируемых агрегатов,

1750 агрегатов для ремонта скважин и много другой техники. Сложные условия добычи нефти в Западной Сибири послужили предпосылкой для разработки и организации массового выпуска многих видов принципиально нового оборудования [14, с. 84, 87]. Можно определенно сказать, что в 1960-х–1970-х годах советский нефтегазовый сектор почти полностью развивался с опорой на отечественную технологическую базу и промышленный потенциал стран социалистического лагеря. Плюс к этому был обеспечен серьезный экономический подъем обширных территорий на севере Западной Сибири, был создан ряд крупных промышленных узлов и зон хозяйственного освоения в ранее почти необжитых районах.

Оборотная сторона нефтегазового изобилия

Однако достижения тех лет, связанные с формированием новой топливно-энергетической базы страны, не следует идеализировать. Наряду с очевидными успехами имели место и серьезные проблемы, прежде всего – в социальном развитии территорий. Строительство жилья и объектов соцкультбыта постоянно отставало от нарастающего притока населения в нефтегазовые районы, что порождало все новые и новые дисбалансы, а старые проблемы от этого только усугублялись. Добавок ко всему резко усилилась дифференциация в социально-экономическом развитии между нефтегазовыми районами и районами с традиционной экономикой. Обострение социальных проблем привело к тому, что в 1980-х годах пришлось принимать экстраординарные меры для исправления ситуации. В Тюменской области были форсированы темпы строи-

тельства жилья и соцкультбыта, а участвовала в этом – в порядке «шефской помощи» – едва ли не вся страна. Вторая серьезная проблема заключалась в несбалансированности развития нефтегазового сектора как такового: то геологоразведка отставала, то переработка углеводородов, то хозяйственная инфраструктура. И все это имело место, несмотря на централизованное директивное планирование, которое в силу преобладания отраслевого подхода и доминанты ведомственных интересов не справлялось с решением сложных комплексных задач. В итоге нерационально использовались лимитированные материальные и финансовые ресурсы, снижалась эффективность освоения углеводородного потенциала Западной Сибири.

Тем временем задачи по достижению высокой эффективности развития нефтегазового сектора с каждым годом становились все более трудноразрешимыми. В 1980-х годах по мере истощения выявленной ресурсной базы, продвижения дальше на север Западной Сибири и роста добычи природного газа (который во все более значительных объемах экспортировался) стали ухудшаться условия работы. Происходил не только естественный рост всех видов затрат, но и постоянно повышались требования к технологическому уровню производства, качеству применяемой техники и оборудования. Обострился дефицит многих видов оборудования и материалов, который стал компенсироваться за счет импорта в обмен на поставляемое западным странам сырье и некоторые химические продукты. В качестве примеров можно назвать обширное соглашение с ФРГ «Газ – трубы» (осуществлялись поставки газа в Германию в обмен на трубы для строительства экспортных и

внутренних магистральных газопроводов) и так называемые компенсационные соглашения по импорту оборудования для строившихся в стране нефтегазохимических предприятий (в уплату за поставленное оборудование уходила часть производимой продукции).

Мобилизационная модель освоения природных ресурсов в отсутствие конкурентной экономической среды привела к тому, что с каждой пятилеткой падали темпы научно-технического прогресса, а некоторые проблемы (например, обеспечение нефтегазовой промышленности техникой в северном исполнении) так и оказались до конца не решенными. Внедрение достижений научно-технического прогресса зачастую не носило комплексного характера, поэтому крайне медленно сокращался ручной труд, доля которого в 1980-х годах в нефтегазовой промышленности достигала 40 %, а в строительстве – 60 %. Внедрение технологических инноваций зачастую неоправданно затягивалось, а затраты на эти цели были слишком незначительны. В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда недостатка в разработанных новинках вроде бы и не было, но до сферы производства они не доходили. Внедрение научно-технических достижений, обновление парка машин и оборудования, а также производимой продукции шло чрезвычайно медленными темпами. В 1970–1980-х годах отставание СССР от Запада в области нововведений составляло 15–20 лет, увеличившись по сравнению с серединой 1960-х годов почти вдвое [5, с. 181].

Рост добычи и экспорта углеводородного сырья в значительной степени стал решающим фактором, который в течение

примерно полутора десятилетий позволял демпфировать общую неэффективность советской директивно-плановой экономики с ее многочисленными провалами, включая проблемы продовольственного снабжения. Нараставшие продовольственные трудности подталкивали советское руководство к форсированному освоению ресурсов Западной Сибири, использованию методов эксплуатации, позволявших добиться быстрых результатов, но создававших трудно прогнозируемые риски падения добычи в будущем [3, с. 181]. Как показали последующие события, ждать этого падения пришлось совсем недолго, но в конце 1970-х – начале 1980-х годов *«поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, обеспечил финансовую базу наращивания гонки вооружений, достижения ядерного паритета с США и позволил начать осуществление таких внешнеполитических авантур, как война в Афганистане»* [3, с. 183]. Нужно при этом отметить, что стало быстро и в худшую сторону изменяться соотношение между доходами от экспорта и затратами на добычу углеводородов – все большая доля выручки уходила на компенсацию издержек производства в самом нефтегазовом секторе, а меньшая доставалась другим сферам экономики и использовалась на цели социального развития.

На пути к «нефтяной игле»

Рассматривая эволюцию отечественного НГС в поздний советский период времени, следует подчеркнуть, что на начальной фазе освоения ресурсов Западной Сибири в секторе фактически реализовывалась вполне прагматичная модель

развития *«национальные ресурсы и технологии + иностранный капитал»*, к которой, кстати, мы стремимся и сегодня. Конечно, прямых зарубежных инвестиций в нефте- и газодобычу тогда не было, но их роль выполнял приток выручки от экспорта нефти. К сожалению, данная модель эффективным образом проработала очень недолго. Со второй половины 1970-х годов она стала быстро и верно трансформироваться в модель *«национальные ресурсы + иностранные технологии и капитал»*, которая, в сущности, охватила всю советскую экономику. В 1970–1980-е годы за нефтедоллары было закуплено оборудование для 50 крупных предприятий, в том числе для крупнейших автомобильных заводов в Тольятти (АвтоВАЗ) и Набережных Челнах (КАМАЗ), предприятий по выпуску радиоэлектронной техники и других [1, с. 21]. К сожалению, зачастую – экономии ради – закупалось морально устаревшее оборудование и такие же лицензионные модели продукции, для выпуска которых оно предназначалось. Но это еще полбеды, худшее состояло в том, что нараставший технологический импорт не просто заполнял имевшиеся бреши, а ставил крест на конкурирующих отечественных разработках, например, для химической промышленности и автомобилестроения. Советское директивное планирование полагало нерациональным тратить средства на собственную разработку того, что можно было беспрепятственно купить за рубежом. Как следствие, не только нарастало технологическое отставание СССР от западных стран, но и оказались утерянными многие собственные научно-технические заделы.

Сложившаяся в поздние советские годы ущербная по своей сущности мо-

дель взаимодействия НГС с внешним миром в целом сохранилась вплоть до настоящего времени. Ее ущербность связана с формированием и дальнейшим усилением двоякого рода зависимости: во-первых, зависимости всей национальной экономики от состояния и динамики развития ориентированных на экспорт отраслей минерально-сырьевого сектора или того, что мы сейчас привычно называем «нефтяной иглой»; во-вторых, экономической, технологической и отчасти политической зависимости России от промышленно развитых государств Запада (а теперь – и Востока), что сближает положение нашей страны с тем, в каком находятся ресурсные страны «третьего мира». С точки зрения своего позиционирования в глобальной политико-экономической системе Россия стала действительной наследницей СССР и представляет собой «второй мир», который поднялся над «третьим», но еще не может дотянуться до «первого».

О проблеме сырьевой зависимости как угрозе для страны громко заговорили в конце 1980-х годов, когда вдобавок к рухнувшим мировым ценам на энергоносители начала падать собственная добыча нефти, вследствие чего прежний «бурный поток» нефтедолларов сузился до тонкого «ручейка». Затем настали 1990-е с их трансформационным кризисом и распадом СССР. Падение добычи нефти в России приобрело обвальный характер. Однако, несмотря на это, минерально-сырьевой комплекс, включая добычу углеводородов, остался едва ли не единственным крупным сектором отечественной экономики, который всерьез сохранил свою дееспособность и производственный потенциал. Сжатие производства во многих отраслях обрабатывающего сектора оказалось еще более катастрофиче-

ским, поэтому вопреки 1,8-кратному сокращению объемов добычи и экспорта нефти (в сопоставлении с историческими максимумами) наша сырьевая зависимость только усилилась.

На смену кризисным 1990-м, с их «разбродом и шатаниями», пришли 2000-е годы, подарившие надежду на стабильность и возобновление экономического роста. Проблема же чрезмерной зависимости от добычи и экспорта сырья вроде бы озаботила и руководство страны, которое заговорило о поиске иных путей роста и переходе к инновационной модели развития российской экономики. Но сырьевая зависимость продолжала усиливаться – сначала из-за ренессансного подъема добычи нефти, а затем вследствие стремительного взлета мировых цен на энергоносители. В 2009 году с учетом нефтепродуктов Россия экспортировала почти 3/4 добытой нефти (против 55 % во второй половине 1980-х годов) [16]; удельный вес углеводородов в структуре товарного экспорта достиг в 2013 году 68 % (против 50 % в самом начале 2000-х) [12]; нефтегазовый сектор в последние годы устойчиво дает не менее 1/3 доходов консолидированного бюджета страны [2].

При этом во время недавнего мирового кризиса, сопровождавшегося резким падением цен на сырье и энергоносители, мы со всей отчетливостью увидели, насколько ненадежным может быть наше нефтегазовое благополучие. Не случайно сегодня все громче звучат призывы поскорее избавиться от злополучной сырьевой зависимости, о необходимости радикальной смены курса в экономическом развитии страны. Но если трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию, мы будем вынуждены признать, что в краткосрочной и

среднесрочной перспективе в российской экономике трудно будет найти источники доходов, которые смогли бы заместить НГС. Поэтому в реальной действительности экстренное решение проблемы избавления от сырьевой зависимости сегодня представляет собой, образно говоря, выбор одной опции в дилемме, что лучше: нищий бюджет с низкой долей нефтегазовых доходов или относительно богатый бюджет с высокой долей нефтегазовых доходов. Думается, это будет очень непростой выбор не только для властей, но и для всех граждан России.

Наш ответ на «ресурсный вызов»

Сложность ситуации, как это часто бывало в отечественной истории, порождает принятие решений, с трудом поддающихся рациональной интерпретации. Среди всех нефтезависимых государств мира Россия нашла, пожалуй, самый простой и оригинальный способ преодоления зависимости от ресурсов, свой особый ответ на «ресурсный вызов»: наша страна объявила себя «энергетической сверхдержавой». Конечно, с терминологической точки зрения между понятиями «сырьевой придаток» и «энергетическая сверхдержава» есть очень большая разница. Но каковы сущностные различия, и есть ли они? Дискуссии на эту тему идут уже несколько лет, но, по-видимому, они почти беспредметны по причине концептуальной расплывчатости обсуждаемых категорий.

К примеру, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Оман и ряд других стран – экспортеров нефти, которые с очевидностью играют роль сырьевых придатков «первого мира», вполне благополучны в своем социально-экономическом развитии – во

всяком случае, по статистическим показателям уровня жизни они заметно опережают Россию. Саудовскую Аравию можно без особых натяжек назвать «энергетической сверхдержавой», поскольку она располагает крупнейшими в мире запасами нефти, является ведущим производителем и экспортером, оказывает реальное влияние (в партнерстве с другими странами – участниками ОПЕК) на состояние мирового рынка нефти. То есть в данном случае наблюдается некоторое двуединство «сырьевого придатка» и «энергетической сверхдержавы». При этом все названные выше государства вряд ли можно назвать реально или полностью независимыми от «первого мира» как в экономическом, так и в политическом отношении.

В противоположность им большинство европейских и азиатских стран с высоким уровнем дохода не располагает крупными сырьевыми и энергетическими ресурсами, но находится на существенно более высокой ступени технологического, институционального и социально-экономического (если не по статистике, то в качественном отношении) развития. Но и эти государства опутаны целой сетью взаимозависимостей, и практически каждое из них в той или иной степени зависит от США, безусловного лидера «первого мира».

Китай – «демографическая сверхдержава», которая благодаря высоким темпам роста, стабильно удерживаемым в последние 30 лет, уверенно выдвигается в ряды «экономических сверхдержав». Впрочем, Китай вполне можно считать и «энергетической сверхдержавой», ведь Поднебесная владеет 9 % мировых запасов минерального топлива, производит первичной энергии в 1,8 раза и потребляет в 3,5 раза больше, чем Рос-

сия. Главное отличие от России состоит в том, что свой энергетический потенциал Китай не выбрасывает непосредственно на мировой рынок, а предварительно «конвертирует» в различные виды продукции с более высокой добавленной стоимостью. Трудно сказать, смогла бы китайская экономика развиваться с такой завидной скоростью, если бы не опиралась на более чем 90-процентную самообеспеченность энергоресурсами. Динамичность экономике Китая придает пул отраслей и производств, ориентированных на внешний рынок. Однако наличие гипертрофированного экспортного сектора создает специфические риски нестабильности, поскольку ставит Поднебесную в зависимость от состояния мировой конъюнктуры.

США являются сверхдержавой без каких-либо условно-уточняющих определений. Однако глобальный лидер тоже находится, по крайней мере, в «технической» зависимости от импорта энергоресурсов, что не представляет опасности для страны лишь постольку, поскольку США обладают политическим контролем над основными источниками импортируемой нефти. Вполне очевидно при этом, что утрата подобного действительного контроля даже на непродолжительное время, как показали события 1973 и 1979 гг., может привести к серьезным потрясениям в американской экономике, равно как и во всей экономике «первого мира».

С формальной точки зрения неважно, на чем мы пытаемся выстроить собственное благополучие и обеспечить влияние в мире – на нефти и газе, высоких технологиях, вооружениях, детских игрушках или выращивании бананов. Важно, чтобы соблюдалось два условия: во-первых, избранные факторы развития действительно должны

обладать свойством «локомотивной тяги», способной через систему межотраслевых связей потянуть за собой рост всей экономики; во-вторых, двигательная сила факторов роста должна быть достаточно устойчивой и не подверженной чрезмерным колебаниям по причине, например, внешних воздействий (конъюнктурных, политических и проч.).

Россия располагает достаточно большими ресурсами нефти и газа, чтобы использовать их в качестве инструмента для решения стоящих перед страной экономических и политических задач. Освоение столь крупных источников природной энергии в сочетании с комплексным преобразованием теоретически способно сгенерировать мощные мультипликативные эффекты в экономике. То есть первое из названных выше условий выполняется. Сложнее обстоит дело со вторым. В исторически долгосрочной перспективе сырьевые ресурсы нельзя рассматривать в качестве устойчивого фактора развития из-за их естественной исчерпаемости и эволюционной изменчивости потребностей мировой экономики в тех или иных ресурсах. В обычных же пределах научно-экономического прогнозирования можно представить довольно устойчивые сценарии развития на основе ресурсного фактора при адекватном учете сопутствующих рисков. Но делать ставку на ресурсы имеет смысл лишь при условии, что в течение двух-трех десятков лет, а не веков удастся сформировать и реально задействовать замещающие или дополняющие факторы развития, провести глубокую диверсификацию экономики, поскольку наличие гипертрофированных секторов (особенно – сырьевого) резко снижает устойчивость социально-экономического развития и

создает повышенные экономические и политические риски.

К сожалению, наше прошлое и настоящее показывает, что мы еще не научились как следует использовать ресурсный фактор в качестве «локомотива» национальной экономики. Освоение российских источников нефти и газа естественным образом создает «положенные» мультипликативные эффекты, которые по большей части реализуются за пределами нашей страны. Заграница добавляет стоимость в процессе переработки производимых нами энергосырьевых ресурсов и использует конечные эффекты. Она же получает всю цепочку доходов и эффектов от поставок в Россию технологий, машин и оборудования, интеллектуальных компонентов, требуемых для освоения ресурсных источников. Наша же страна в основном вынуждена довольствоваться прямыми эффектами – рентой, содержащейся в ценах добываемого сырья.

Шансы и риски «энергетической сверхдержавы»

Способна ли идея «энергетической сверхдержавности» внести принципиальные коррективы в сложившуюся ситуацию? Позволит ли она России превратиться в органичную часть глобального экономического и энерготехнологического пространства или мы по-прежнему будем всего лишь примыкать к нему в качестве ресурсного донора? Если да, то рассматриваемая идея может стать важнейшим системно-концептуальным направлением развития страны на обозримую перспективу. Если нет, то попытка построения «энергетической сверхдержавы», скорее всего, сведется к внешнеполитическому курсу, прикрывающему отсутствие четко осознан-

ной парадигмы национального социально-экономического прогресса и вытекающему из нынешнего «нефтегазового цугцванга», т. е. станет очередным вынужденным ходом, ведущим к дальнейшему ухудшению позиции.

Сверхдержавность, обращенная вовне и подразумевающая возможность оказывать влияние на общемировые процессы, является привычным положением для нашей страны. Россия, сыгравшая главную роль в крушении наполеоновской империи, объективно стала великой европейской державой в первой половине XIX века. Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над фашизмом в годы Второй мировой войны и впоследствии сумевший создать собственное ракетно-ядерное оружие, тоже по полному праву занимал положение великой мировой державы наравне с США. Но ни в том, ни в другом случае сверхдержавность, опиравшаяся на военнополитическую мощь и милитаризованную экономику, не приносила особых внутренних дивидендов, выражавшихся в высоком уровне жизни населения. Скорее наоборот, народное благосостояние и благополучие приносилось в жертву стремлению вершить судьбы мира. В основу нынешней своей сверхдержавности Россия пытается положить обладание уникальным нефтегазовым потенциалом. Удастся ли сделать это «оружие» не только инструментом внешнего влияния, но и действительным источником национального благосостояния, покажет будущее.

Видимые и не единожды обозначенные разнообразные политико-экономические выгоды «энергетической сверхдержавности», связанные с усилением позиций России в мировом пространстве, весьма и весьма привлекательны. Более того, утвержда-

ется даже, что у России сегодня нет другой альтернативы выживания [9, с. 5]. Но нельзя не видеть и многие сложности, которые предстоит преодолеть, прежде чем мы сможем пожинать плоды «энергетической сверхдержавности». Ключевая проблема состоит в том, что для достижения «сверхдержавных» целей потребуются дальнейшее наращивание добычи и экспорта углеводородов, которое с каждым годом дается нам все более и более дорогой ценой. Доступ к новым ресурсным источникам становится все более и более трудным, а дорога к ним ведет нас уже напрямиком в Арктику. Для освоения этих источников нужны не только соответствующие технологии, которыми Россия не располагает, но и гигантские инвестиции, характеризующиеся очень высоким уровнем рисков. Уже сегодня российские власти вынуждены вводить невиданные, экстраординарные по прежним меркам налоговые и тарифные льготы для всех стратегически важных нефтегазовых проектов. Тем самым сводятся к минимуму привычные для нас прямые финансовые выгоды, а следовательно, неизмеримо возрастает значение выгод косвенных, которые пока что большей частью достаются не России, а зарубежным странам.

В России же происходит сокращение занятости на предприятиях и в организациях обрабатывающей промышленности – почти на полмиллиона человек за период 2010–2012 гг., в сфере образования – на 390 тыс. человек. При этом в добыче полезных ископаемых численность занятых выросла на 20,4 тыс. человек [4]. Несмотря на это, мы обольщаемся надеждами, что запуск новых экспортных трубопроводов, как, например, в случае с ВСТО-2, «даст очень серьезный толчок» для развития и что подоб-

ные проекты «*существенно расширяют инфраструктурные возможности*» восточных регионов страны [8]. Хотя вполне очевидно, что магистральные трубопроводы всего лишь предназначены для перекачки нефти и газа и никаких дополнительных эффектов сами по себе принести не способны. В этой связи нельзя не отметить, каким контрастом в сравнении с нашими «победными реляциями» выглядят сообщения из Китая, где почти одновременно с пуском ВСТО-2 была сдана в эксплуатацию самая длинная в мире (2,3 тыс. км) высокоскоростная железная дорога, связавшая столицу страны с несколькими провинциальными центрами [7]. Такие инфраструктурные проекты действительно играют серьезную интегрирующую роль в национальной экономике и порождают множественные косвенные эффекты.

Нельзя не отметить и устойчиво негативную – с позиций «сверхдержавности» – тенденцию к сужению российской ниши на мировых энергетических рынках. В последние 7–8 лет доля России в мировом нефтяном экспорте стабилизировалась примерно на отметке в 14 %, а в экспорте газа снизилась с 25 до 18 %. Не растет удельный вес России и в добыче углеводородов, застыв где-то на уровне 12–13 % по нефти и 18–19 % по природному газу². Сложившаяся динамика показателей отражает объективные и субъективные трудности в современном развитии отечественного НГС, которые выливаются в торможение роста производственных показателей, что противоречит не только курсу на «энергетическую сверхдержавность», но соображениям вполне утилитарной выгоды. В пик идеи «сверхдержавности» можно сколько угодно дискутировать на тему о целесообразности наращивания экспор-

² Рассчитано автором по данным [16].

та энергоресурсов, но от этого факты не перестанут быть фактами. Действительно, нет ничего хорошего в том, что наша экономика находится в слишком сильной зависимости от экспорта сырьевых товаров и конъюнктуры мирового рынка сырья. Но и сужение российской ниши, к примеру на рынке природного газа, тоже не предвещает ничего хорошего, если это не будет компенсировано увеличением объемов внешней торговли обработанными и высокотехнологичными товарами. Следует также учесть, что наши основные конкуренты на газовом рынке не столь привередливы в своих конечных целях и, в отличие от «Газпрома», как правило, не претендуют на глубокую интеграцию в систему энергоснабжения стран-импортеров. То есть де-факто они готовы предложить свой товар на потенциально более выгодных для покупателей условиях, нежели российский экспортер, действующий в соответствии с требованиями курса на «энергетическую сверхдержавность».

Логично предположить, что «энергетическая сверхдержава», дабы не превратиться в «энергетическую империю», должна не только править миром, давать странам-импортерам нефть и газ, извлекая свои выгоды, но и быть своего рода покровителем, гарантом энергетической безопасности и стабильности. Действия под известным из гайдаевской кинокомедии управдомовским девизом «А если не будут брать, отключим газ!» станут, скорее всего, неуместны. Например, опасаясь диктата, традиционные европейские импортеры российского природного газа отчаянно диверсифицируют источники своего энергоснабжения. Со своей стороны, Россия предпринимает усилия по диверсификации географических направлений экспорта, открывая для себя азиатские рын-

ки. Но эти рынки являются конкурентными, поскольку не привязаны к жестким конфигурациям поставок, а потому не столь уж просты для нас. На них нужно учиться работать, чтобы не попасть в зависимость от покупателей, которые хоть и ждут прихода наших энергоресурсов, но рассчитывают на покладистость российской экспортной политики, полагая, что нам все равно некуда деваться. В этом смысле показательна позиция Китая, ставшего нашим главным восточным контрагентом в торговле энергоресурсами и умело использующего свое экономическое превосходство для достижения наиболее выгодных для себя условий поставок нефти и газа из России.

Позитивный настрой в политике «энергетической сверхдержавы» не может граничить с альтруизмом. Чтобы не скатиться к последнему, от России требуется достаточная уверенность в собственных силах, подкрепляемая целым комплексом аргументов, которые должны быть в арсенале любой державы, любого государства, претендующего на свою политическую и экономическую самостоятельность. «Энергетическое оружие» выстрелит точно в цель лишь при условии, что «стрелок» умеет хорошо обращаться с этим «оружием» и способен при необходимости защитить его от чужих посягательств. Для сегодняшней России это означает, что *«должны быть достроены все остальные недостающие предпосылки державы, не говоря уже о “сверхдержаве”. Даже энергетической сверхдержавой можно быть только при одном условии: если у страны есть достаточная военно-политическая мощь, чтобы сохранять контроль над энергоресурсами. А эту мощь нельзя обеспечить, имея одну отрасль под названием “энергетика”, будь она даже самая развитая на свете»* [6].

«Энергетическая сверхдержавность» — это чрезвычайно сложный для России

политико-экономический курс с шансами на успех и рисками неудачи. Максимизация первых и минимизация вторых во многом будут определяться тем, насколько адекватными, прагматичными и целеустремленными окажутся решения и действия, предпринимаемые российскими властями. Будут ли извлечены надлежащие уроки из кризисов и сложных ситуаций, в которые прежде попадала наша страна, запутавшись в противоречивых стремлениях сохранить стабильность, получить выгоды от ресурсного изобилия и не угодить при этом в глубокую сырьевую зависимость? Или мы и дальше будем двигаться по инерции, ссылаясь на безысходное «ресурсное проклятие»? Следует согласиться с Е.Т. Гайдаром, который при анализе причин, приведших к падению СССР, отметил, что «...принятые советским руководством решения сыграли немалую роль в том, как развивался кризис советской экономико-политической системы в конце 1980 – начале 1990-х годов. От руководства страны зависело многое, однако, отнюдь не все. Не бессмысленно сказать и наоборот: не все, но многое» [3, с. 204]. Сегодня и в дальнейшем от российского руководства будет зависеть многое; потребуется не только компетентность, знание и понимание проблем, стоящих перед страной, но и политическая воля для принятия и выполнения решений, которые с неизбежностью должны затронуть институциональный каркас национальной экономики.

Фундаментальный вопрос: быть или не быть?

Все, что происходит в российской экономике, имеет весьма отдаленное отношение к мифическому «ресурсному проклятию», которое якобы довлеет над нашей страной. Автор готов присоединиться к вы-

воду, сделанному в одной из недавних публикаций У. Томпсона: «Утверждения о том, что Россия превращается в снежную Венесуэлу, сильно преувеличены. В политическом аспекте удивляет не то, как хорошо Россия соответствует стереотипам сырьевой политэкономии, но, наоборот, то, как успешно она до сих пор сопротивлялась многим институциональным и политическим извращениям, обычно ассоциируемым с развитием, в основе которого лежит сырье. Более того, есть все основания утверждать, что и без всяких ресурсов Россия страдала бы от тех же самых проблем. Одновременно в тезисе о том, что ресурсное богатство России представляет опасность для ее политического развития, все же есть некоторая справедливость. Однако основная проблема не в природе этих ресурсов, но в их локализации в институциональной среде, плохо подготовленной для преодоления проблем, порождаемых богатством такого рода» [13, с. 172]. К этому следует добавить, что в России аналогичные проблемы, хотя и не в таких масштабах, порождаются любым богатством. Любой доход приобретает в той или иной степени рентный характер, любой источник дохода уподобляется нефтяному месторождению, а любой бизнес и управленческая деятельность в значительной мере превращаются в погоню за рентой.

Современные российские проблемы схожи с проблемами всех ресурсно избыточных стран, однако имеют свою специфику, поскольку Россия – это все же не «третий мир». Схожесть состоит в многообразной зависимости от «первого мира»: в наследство от СССР России досталась экономика, находившаяся в довольно сильной технологической зависимости от Запада, а не просто ресурсозависимая, и включавшая гипертрофированный военнопromышленный сектор – развитый технологически, но склонный к инерционному

росту, низко мобильный, плохо приспособленный к потребностям гражданских отраслей. Так же как и страны третьего мира, Россия вступила в полосу дискретных институциональных, общественно-политических и экономических трансформаций, которые именно в силу своей дискретности неизбежно способствуют активизации рентоориентированного поведения, а наличие ресурсов создало для этого исключительно благоприятную среду.

Главное же наше отличие от третьего мира заключается в неодинаковости базовых условий протекания трансформационных процессов. Для стран третьего мира типичными являются переходы от колониальной подчиненности к политической независимости и от бедности к богатству, что порождает стремление к ускоренной модернизации социально-экономических систем (пусть и далеко не самыми лучшими способами). В России дискретные трансформации оказались неразрывно связаны с деградацией традиционной, созданной в советский период времени индустриальной экономики, в развитости которой мало кто сомневался, а также с переходом от богатства к бедности, от величия – к второстепенной роли на мировой сцене. Тот факт, что бытовавшие в преддверии перехода общественные представления о величии, богатстве и экономической мощи страны были не вполне адекватны и слишком догматичны, не имеет принципиального значения, так как они стали неотъемлемой частью национального менталитета, по которому падение Советского Союза нанесло сокрушительный удар.

Поэтому нынешняя, если можно так сказать, обреченность России, в отличие от стран третьего мира, связана отнюдь не с теоретическим «ресурсным проклятием»

и даже не с объективными отрицательными проявлениями ресурсного изобилия, а с неизбежным для нас решением фундаментальной дилеммы «*Быть или не быть?*».

Стать если не сверхдержавой, то хотя бы *подлинной державой*, на равных взаимодействующей с внешним миром, но не находящейся в полуколониальной зависимости от него; державой, способной обеспечить своим гражданам все необходимые условия для построения достойной жизни. Стремясь «*быть*», мы опираемся на ресурсы, которые становятся предпосылкой для особого, сопряженного с определенными шансами и рисками позиционирования России на мировой арене в качестве «энергетической сверхдержавы». Но в какой степени эта внешняя по своей сущности «сверхдержавность» сможет обернуться внутренними выгодами, измеряемыми не прибылями государственных и частных корпораций, а реальным ростом общественного благосостояния, пока не слишком ясно. Точно так же не вполне ясно, как это отразится на состоянии и динамике всего комплекса отечественных институтов, опосредующих процессы общественно-политического и экономического развития, несовершенство которых перерастает в проблему целеполагания в политике государства. В общем, остается немало вопросов относительно нашей сырьевой зависимости, перспектив ее преодоления или перевода в более приемлемые форматы взаимозависимости между Россией и миром.

Ответы на эти непростые вопросы сможет дать только время, которого для решения нашей фундаментальной дилеммы остается все меньше и меньше. Но будем надеяться на лучшее – на то, что разыгрывать «нефтегазовый цугцванг» не придется в условиях политико-экономического «цейтнота»...

Литература

1. *Байбаков Н.К.* Трудные годы становления третьего Баку // В кн.: Нефтяная эпопея Западной Сибири / ред. кол.: Крол М.М. (гл. ред.) и др. – М.: Минтопэнерго, 1995.
2. Бюджетная статистика / Федеральное казначейство. Официальный сайт. – URL: <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения 12.07.2014).
3. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России / 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
4. Единая межведомственная информационно-статистическая система / ЕМИСС. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения 12.07.2014).
5. *Карнов В.П.* Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс – достижение экономики мобилизационного типа // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 180–186.
6. *Леонтьев М.* Концепт «Россия как энергетическая сверхдержава» // Русский журнал. – 27 окт. 2006. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Koncept-Rossiya-kak-energeticheskaya-sverhderzhava> (дата обращения 12.07.2014).
7. РБК daily. – 26 дек. 2012 / В Китае запущена длиннейшая в мире скоростная железная дорога. – URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/12/26/world/562949985406393> (дата обращения 12.07.2014).
8. Российская газета. – 26 дек. 2012 / От Балтики до Тихого океана. – URL: <http://www.rg.ru/2012/12/25/proekti-site.html> (дата обращения 12.07.2014).
9. *Симонов К.* Энергетическая сверхдержава. – М.: Алгоритм, 2006. – 272 с.
10. *Славкина М.В.* История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/index.html> (дата обращения 12.07.2014).
11. *Славкина М.В.* Триумф и трагедия. Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. – М.: Наука, 2002. – 224 с.
12. Статистика внешнего сектора / Центральный Банк РФ. – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (дата обращения 12.07.2014).
13. *Томпсон У.* Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // ПрогнозиΣ. Журнал о будущем. – 2008. – № 1 (13). – С. 150–174. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognozi931-113-2008.html> (дата обращения 12.07.2014).
14. *Шашин В.А.* Нефтяники – стране. – М.: Недра, 1976.
15. *ШМат В.* Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора / под науч. ред. В.А. Крюкова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – URL: <http://нефтегазовый-цугцванг-онлайн.рф>.
16. BP Statistical Review of World Energy – 2014. – URL: <http://www.bp.com/> (дата обращения 12.07.2014).

RUSSIAN ZUGZWANG: FROM RESOURCE DEPENDENCE – TO “ENERGY SUPERPOWER”

V.V. Shmat

Institute of Economics and Industrial
Engineering of SB RAS, Novosibirsk

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Historically, oil and gas resources have a significant influence on the development of our country. Resources largely predetermined the place which was “allocated” to Russia (and earlier – to the Soviet Union) within the established world order. But today's Russian trouble isn't in subsoil abundance. The root of problems occurs in the imperfect institutional environment that constitutes a framework for the process of natural resources development. This environment doesn't promote the progress of the economy and society, but leads to stagnation. We need a carefully reasoned pragmatic course of economic development, objectively taking into account our strengths and weaknesses. We must aim at synergy based on a balanced growth of all sectors of the economy including resource-based and innovative sectors. Should we be able to solve this fundamental problem for Russia, if we move towards the formation of “energy superpower”? Whether the expected superpower's benefits will be weighty enough to outweigh the probable costs and risks? Or this way will lead us into an even deeper impasse?

Keywords: “petroleum zugzwang”, natural resources, oil and gas, economic growth, institutions, discrete transformation, “energy superpower”.

References

1. Bajbakov N.K. *Trudnye gody stanovlenija tret'ego Baku* [Difficult formative years of the Third Baku]. In: *Neftjanaja jepopeja Zapadnoj Sibiri*. [Oil epic of Western Siberia]. Moscow: Mintopjenergo [Ministry of Fuel and Energy Publ.], 1995. (in Russian)
2. *Bjudzhetnaja statistika* [Budget statistics]. In: *Federal'noe kaznachejstvo* [Federal Treasury. Official Website]. URL: [http://www.roskazna.ru/\(data obrashhenija 12.07.2014\)](http://www.roskazna.ru/(data obrashhenija 12.07.2014)). (in Russian)
3. Gajdar E.T. *Gibel' imperii. Uroki dlja sovremennoj Rossii* [Fall of the Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPJeN [ROSSPEN Publ.], 2006. 448 p. (in Russian)
4. Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema EMISS [United interagency information-statistical system]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
5. Karpov V.P. *Zapadno-Sibirskij neftegazovij kompleks – dostizhenie jekonomiki mobilizacionnogo tipa* [The West Siberian oil and gas complex is the achievement of economic mobilization type]. In: *Mobilizacionnaja model' jekonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka*. [Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia XX century]. Cheljabinsk, 28–29 nojabrja 2009 Cheljabinsk: Jenciklopedija [Encyclopedia publ.], 2009, pp. 180–186. (in Russian)
6. Leont'ev M. *Koncept «Rossija kak jenergeticheskaja sverhderzhava»* [The concept “Russia as an energy superpower”]. *Russkij zhurnal* [Russian journal]. 27 okt. 2006. URL: <http://www.russ.ru/pole/Koncept-Rossija-kak-energeticheskaja-sverhderzhava> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
7. RBK daily. – 26 dek. 2012 / *V Kitae zapushtbena dlinnejshaja v mire skorostnaja zheleznoj doroga* [China has launched the world's longest high-speed railway]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/12/26/world/562949985406393> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
8. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. 26 dek. 2012 / *Ot Baltiki do Tibogo okeana* [From the Baltic to the Pacific]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/25/proekti-site.html> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)

9. Simonov K. *Jenergetičeskaja sverhderžhava* [Energy superpower]. Moscow: The Algorithm Publ., 2006. 272 p. (in Russian)
10. Slavkina M.V. *Istorija prinjatija reshenija o promyšlennom osvoenii Zapadnoj Sibiri* [The history of decision-making on industrial development of Western Siberia]. In: *Jekonomičeskaja istorija. Obozrenie* [Economic history. Review] Moscow: Izd-vo MGU [Moscow State University Publ.], 2005. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB10/index.html> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
11. Slavkina M.V. *Triumf i tragedija. Razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960–1980-e gody* [Triumph and tragedy. The development of oil and gas complex of the USSR in 1960-1980-ies]. Moscow: Nauka [Science] Publ., 2002. 224 p. (in Russian)
12. *Statistika vneshnego sektora* [Statistics external sector] / Central'nyj Bank RF [The Central Bank of the Russian Federation]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
13. Tompson U. *Snezhnaja Venesujela? «Resursnoe prokljatje» i politika Rossii* [Snow Venezuela? The “resource curse” and the policy of Russia] // *ПрогнозиΣ // PrognosiΣ. Zhurnal o budushhem* [Magazine about the future]. 2008. № 1 (13), pp. 150–174. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/2813-prognosi931-113-2008.html> (data obrashhenija 12.07.2014). (in Russian)
14. Shashin V.D. *Neftjaniki – strane. – [Oil producers --- for country]*. Moscow: Nedra [The Subsoil] Publ., 1976. (in Russian)
15. Shmat V. *Neftegazovyy cugcvang. Oчерki jekonomičeskikh problem rossijskogo neftegazovogo sektora* [Oil and gas zugzwang. Essays on the economic problems of the Russian oil and gas sector]. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN [Institute of Economics and industrial engineering SB RAS], 2013. URL: <http://neftegazovyy-cugcvang-onlajn.rf>. (in Russian)
16. BP Statistical Review of World Energy – 2014. URL: <http://www.bp.com/> (data obrashhenija 12.07.2014).